Александр Кустарев

Независимый исследователь, Лондон, Великобритания

Хронотоп «СССР» в контексте социогенеза

Рецензия на книгу: Sahadeo J. (2019) Voices from the Soviet Edge. Southern Migrants in Leningrad and Moscow, Ithaca; London: Cornell University Press

doi: 10.22394/2074-0492-2021-2-248-257

Власть, установившаяся в России после 1917 года на развалинах петербургской монархии, в свой час сама стала старым режимом и не смогла выйти из собственного кризиса. По мере того как этот режим уходит в прошлое, становится все более интригующим вопрос: что же это было на самом деле. Еще недавно доминировал тотально негативный образ СССР — зеркальный вариант его позитивного самообраза. Но когда он стал стираться из живой памяти общества, появилась ревизионистская тенденция. В ее русле два главных тезиса книги Джеффа Сахадео. Первый: СССР предложил альтернативный вариант процесса урбанизации. Второй: есть сомнения, что СССР был застойным обществом. Автор подкрепляет оба этих тезиса материалами интервью 75 переселенцев из Средней Азии и Кавказа в Москву и Ленинград. Я предложу теперь вариации на эти темы.

Первый тезис Сахадео артикулирует так: «Советский Союз остается уникальным антропологическим и административным экспериментом, в ходе которого одновременно *устранялось, но и сохранялось* (курсив мой. — АК) … морально неприемлемое неравенство[1] в территориальном аспекте на региональном, внутриимперском

Кустарев Александр — кандидат географических наук, независимый исследователь, Лондон, Великобритания. Научные интересы: политическая география и международные отношения, политическая теория, Макс Вебер.

1 «Inequity» в отличие от «inequality» подразумевает морально неоправданное (несправедливое) социальное неравенство. Эта разница часто не замечается.

и глобальном уровнях» [p. 7]. А более конкретно: советская власть хотела не допустить типичные для капиталистического города патологии межэтнической напряженности и территориальной концентрации городской нищеты (трущобы). Теперь интересно понять, удалось это или нет, а точнее, что удалось и что нет, поскольку надо согласиться с благоразумной оговоркой Сахадео: результаты советского опыта двусмысленны.

В летописи советского хронотопа, даже исправленной и дополненной в условиях гласности, просто нет темы «ксенофобия» ни в документах, ни мемуарах. А респонденты Сахадео если не молчат по этому поводу, то признают, что ничего подобного во времена СССР не было. Как это понимать? На первый взгляд все очень просто. Численность переселенцев в столицы из южных республик долго не достигала критической массы, чреватой осложнением межэтнических отношений[1]. Переселенцы обустраивались в одиночку, охотно и сравнительно легко интегрировались. Туземцы, не видевшие в них никакой опасности для себя, помогали им интегрироваться, после чего переставали замечать их как «чужих». Вот, собственно, и все. Власть тут не при чем. Не так ли?

Не совсем так. Дело в том, что спокойная этническая обстановка в Москве и Ленинграде была следствием государственной стратегии (практики). Самовольное переселение было крайне затруднено режимом непременной полицейской регистрации («прописка»), а с некоторых пор запретом прописывать самовольных переселенцев в столичных городах. Объектом этой практики не были только национальные меньшинства. Население столиц росло за счет «оргнаборов», и они не охватывали южные республики. Почему, не вполне ясно. Быть может, трудовых ресурсов долго хватало в ближнем окружении столиц, и ни о чем другом власти попросту не задумывались. Но может быть, власти сознательно избегали привлечения «южан» в столицы. Или их просили об этом работодатели, подававшие заявки на «оргнабор» и считавшие южан (безосновательно или нет) менее пригодными для работы в режиме промышленного предприятия. Или здравый смысл подсказывал властям, что этнические напряжения не возникают, пока «чужих» в городе мало, и они рассеяны. Или власти опасались, что столичные жители еще недостаточно воспитаны в духе пролетарского интернационализма и навязывать им инородцев опасно.

1 Судя по всему, уже в 1980-е годы ограничения на прописку фактически не соблюдались властями, а после 1991 года были формально отменены.

Но так или иначе, когда миграции были разрегулированы[1] и поток мигрантов с Юга сильно увеличился, ксенофобия населения метрополии вышла на поверхность. Совсем не исключено, что межэтнические отношения в столицах обострились бы еще больше, если бы советская власть так настойчиво не отучала народ от этнических предрассудков. Но также есть косвенное указание, что пропаганда дружбы народов, как бы благонамеренна она не была, оказалась в лучшем случае стерильна и даже имела прямо противоположный эффект, по меньшей мере в политизированной верхушке масс с ее обычными харизматическими амбициями.

Прежде всего, пропаганда этнического братания бесплодна, если она не комбинируется с территориальной совмещенностью разных этносов. Только так этническая вражда может быть изжита до полного слияния или федерации народов. В условиях свободного перемещения людей агентура такой трансформации — сами индивиды и их кластеры. А если власть полностью контролирует миграции, она сама должна стимулировать совмещение этнических групп. Советская власть не обнаружила ни малейшей склонности к этому. Это можно понять. Намеренно заселять столицы выходцами из Средней Азии и кавказцами, если в этом нет необходимости, было бы абсурдно.

Так можно объяснить *низкую эффективность* воспитательных усилий коммунистического режима. Их *негативный эффект* требует иного объяснения. Любая пропаганда имеет двойной эффект: прямой и обратный. Обратная реакция на официальный интернационализм еще усиливалась нарастающим негативизмом в отношении социализма. Антисоциалистические настроения к концу 1970-х были настолько глубоко усвоены, что до сих пор вдохновляют некоторые русско-российские субнарративы. Их агентуры продолжают сводить счеты с советской властью и большевизмом, а поскольку их давно нет, обращают свою заклинательную риторику на все, что им кажется имманентным большевизму. Демонизированный образ большевизма при этом переносится на западных левых, а то и вообще на весь Запад, будто бы зараженный «детской болезнью левизны». Здесь один из корней поразительно популярной в русскоязычной среде (особенно в диаспоре, включая израильскую алию) профанно-умственной обструкции, которой подвергаются идеи мультикультурализма и антирасизма. Можно даже подозревать, что сама корпорация власти в России разделяет это умонастроение.

1 Численность мигрантов из Средней Азии в России за 1970-е выросла со 140 до 248 тыс [Sahadeo 2019: 127]. Правда, это только зарегистрированные. Допустим, нелегалов было столько же, итого 0.5 млн., но это во всей России.

Тогдашний Кремль также намеревался ликвидировать трущобы как явление. И в самом деле, человеческих свалок (фавел, бидонвилей и проч.) как разновидности городского ландшафта в СССР действительно не видно[1]. Но при более внимательном рассмотрении картина оказывается менее определенной. Если считать трущобами просто жилой фонд низкого качества, то до середины 1960-х годов в российских городах он преобладал настолько, что их все можно было бы считать трущобами. Характерно, что массовую застройку, начавшуюся в годы правления Никиты Хрущёва (середина 1950-х), злые языки прозвали хрущобой.

Далее государство, монопольно владевшее жилым фондом в городах, могло селить кого угодно где угодно и пользовалось этим, чтобы не допустить концентрации определенной категории населения в одном месте[2]. Наконец, в советской метрополии не было вообще такого имущественного расслоения, как на Западе и в третьем мире, а стало быть, и территориальной имущественной сепарации городского населения. До войны, однако, и этого оказалось мало, и советская власть, так сказать, удалила трущобы на далекую периферию чисто репрессивным способом. Такими трущобами были в сущности ГУЛАГ и беспаспортная сельская глубинка. Позднее, когда деревня в значительной степени вымерла и ее ограбление приостановилось, а ГУЛАГ расформировали, стихийного накопления в столицах бездомных пытались не допустить менее брутальным способом: пограничным, если угодно, контролем. Между метрополией и периферией была проведена невидимая граница.

Но поскольку плановые темпы жилищного строительства резко отставали даже от редуцированной подвижности населения, появился, а затем разросся до масштабов *морфологического и экологического явления* особый модуль советского города: уплотненная ячейка совместного проживания — общежитие и коммунальная квартира.

У них много общего с трущобой [Горлов 2018]. В самом деле, что такое ночлежка в знаменитой пьесе Горького или огромный доходный дом на Сенной площади в Питере в романе Крестовского «Петербургские трущобы», если не общежития? И все же трудно назвать советское общежитие или коммуналку трущобой без важных оговорок. Прежде всего, в общежитиях социалистических городов жили не безработные и нищие, а подчас даже просто квалифицирован-

1 Не следует упускать из виду, что в такой холодной стране, как Россия, такое просто физически невозможно.

2 Практика жилищно-строительных кооперативов (ЖСК) с середины 60-х годов дала горожанам некоторую свободу выбора, но очень ограниченную, поскольку свободного рынка жилплощади не существовало. Хотя уже тогда в обиходе появилось выражение «престижный район».

ные работники и студенты. И мало кто оставался в общежитиях навсегда или надолго. Это был не тупик, а промежуточная станция в дальнейшей вертикальной мобильности. Даже без систематических сопоставлений можно уверенно сказать, что межличностные отношения в общежитиях были гораздо более цивилизованны, чем в классических трущобах. Возможна даже апологетическая казуистика в пользу общежития по сравнению с частным изолированным жилищем. Можно сослаться на обширную эмпирию. Некоторые варианты сельского расселения очень близки к общежитию, и они сохранялись веками. Ранние христиане практиковали тесное сожительство. Нельзя игнорировать и опыт монастырей. Нормативная традиция тоже массивна. Некоторые утописты отдавали общежитию предпочтение, считая социальную экологию общежития более благоприятной для развития человеческой личности. От них симпатии к общежитию перешли к социалистам в модерне, в частности, к строителям социализма в СССР. Конечно, общежитие было расселенческим паллиативом в условиях бедности. Но указания идеологов на его положительные аспекты не были совсем безосновательными. И вполне можно видеть в общежитии не версию трущобы (улучшенной или нет), а вариант полноценных жилищных условий.

К тому же (и это, может быть, даже более важно) социально-экологическая оценка любой среды обитания зависит не столько от ее формальных характеристик, сколько от мнения о ней тех, кто в этой среде обитает. И респонденты Сахадео отзываются о советском общежитии весьма благоприятно. Займемся теперь сомнениями в адекватности этикетки «застой» применительно к позднему советскому порядку. Вот как их выражает автор: «Миграционный динамизм ставит под сомнение образ советского общества как застойного. Изучение СССР снаружи и снизу обнаруживает, что он находился в состоянии движения, а не покоя вплоть до самого его последнего времени» [p. 2]. Не думаю, что Сахадео прав. Прежде всего, миграционная подвижность сама по себе совсем не обязательно указывает на динамизм общества. Миграции вполне совместимы с застоем. Более того, часто именно они — верный признак застоя. Во всяком случае застоя ареалов, откуда люди уезжают. А в случае СССР и застоя столиц «оргнаборы» были нужны, потому что в столицах продолжали расти трудоемкие производства вместо капиталоемких и наукоемких.

Несомненно, миграции, даже имманентные застою, сами могут сообщить динамический момент обществу. Респектабельная концепция даже приписывает им важную, если не главную, роль

в развитии предпринимательства и становлении модерна[1]. Сахадео, похоже, считает, что именно так и обстояло дело в СССР: «Мигранты, я утверждаю, были основой динамизма брежневской эры. Мигрант в то время и во время Горбачева оперировал в условиях, когда власть была весьма амбивалентна в соблюдении собственных законов и регулирования миграций, особенно когда строгое правоприменение стало угрожать привилегированному статусу Ленинграда и Москвы, уже сильно зависевших от энергии мигрантов [p. 120]. И еще: «… мигранты игнорировали центр, предпочитая регламентированным привилегиям собственную инициативу и сети» [p. 140].

Эти наблюдения очень уместны, но допускают разные интерпретации. Тогдашнее государство в самом деле теряло инициативу и становилось все менее способно контролировать действия частных лиц. Партикулярные агентуры (включая уголовные) брали все большую инициативу на себя. Мигранты оживляли некоторые сферы экономики, особенно отстающие в госплановской системе. Вероятно, их роль в разрастании так называемой левой (подпольной) экономики или неформального сектора была диспропорциональна. Но сделать застойное общество динамичным они не могли. В крайнем случае они как «агентура самовольности» участвовали в размывании системы, коррумпируя государственный аппарат. И если советский порядок действительно находился в состоянии движения, а не покоя, то этому нужно привести иные свидетельства, нежели миграции и их как будто бы положительные корреляты.

Удастся ли найти такие свидетельства? На это мало надежды. Когда советская власть официально отказалась от тотального контроля над обществом, ожидалось, что за этим последует инновационный взрыв. Ничего подобного не произошло. Из чего можно заключить, что перед этим способность к обновлению атрофировалась не только у власти, но и у общества. До сих пор мы обсуждали урбанизацию советского стиля и застойность «развитого социализма» в собственном контексте хронотопа СССР. Но их смысл этим не исчерпывается. Они релевантны в контексте социогенеза. В частности, как эпизоды на траектории долговременного и необратимого (как видится сейчас) *единого* процесса глобальной урбанизации. В этот контекст я и поместил их недавно [Кустарев 2019]. Сахадео делает шаг в эту же сторону: «Трактовка Ленинграда и Москвы советского времени как глобальных городов помогает лучше понять содержание глобального модерна — капиталистического или нет» [p. 12, 13]. Разумеется,

1 Особенно на этом настаивают критики тезиса Вебера, который связывает развитие современного капитализма с особой (протестантской) этикой.

СССР с его республиками *был субглобальным прообразом составной мультикультурной глобальной общности.*

Власти СССР и Запада реагировали на процесс урбанизации по-разному. Советская власть, не обремененная никакими либеральными предрассудками, не допустила массового переселения из южных республик в метрополию и возникновения там их филиалов. На Западе дело обстояло иначе. Там иммиграционный режим несколько десятилетий не был запретительным by default, и в мегаполисах появились инокультурные анклавы, тормозящие ассимиляцию иммигрантов с Юга. Правящий истеблишмент с его, можно сказать, инстинктивным либерализмом отнесся к этому терпимо, а иногда даже поощрительно.

Коренное население в западных странах оказалось к этому не готово. Врожденная латентная враждебность масс всему чужому оживилась и обернулась конфликтом между космополитическим верхом общества и патриотическим низом. Конфликт сдвинулся в центр политической жизни и стал угрожать не только общественному порядку, но и либерально-демократической конституции. Преодолевая этот кризис, глобальный Север как мировой город теперь склоняется к практике (стратегии), впервые реализованной в СССР. А именно к запретительному режиму иммиграции на своей южной границе и к отбору желательных иммигрантов, что типологически близко к советской практике оргнабора. Благо есть граница, облегчающая проводить такую стратегию, а это придает действиям властей *легальную* полноценность (прерогатива суверенитета). Ее *легитимность* менее очевидна. Крайние адепты доктрины прав человека не устают напоминать о кодификации свободного пересечения границ в международном праве.

Все это как будто бы указывает на то, что кремлевская практика регулирования миграций с периферии-провинции в центр-метрополию независимо от того, чем она мотивировалась и сопровождалась, вряд ли имела альтернативу. Задним числом она без труда рационализируется. Город, а не только промышленное предприятие, должен стать местом культурной ассимиляции инородцев, поскольку крупное фабрично-заводское производство уходит в прошлое, и если ассимиляция необходима, то для этого нужен другой «плавильный котел».

Впрочем, если глобальный Север пойдет теперь по стопам СССР, следует помнить, что в СССР власть могла регулировать не только масштабы и состав иммиграции, но и расселение иммигрантов в метрополии. Без этого предотвратить возникновение ареалов этнической консервации в мегаполисе вряд ли удастся. С другой стороны, пока совсем не ясно, на что именно так враждебно реагирует коренное население глобального Севера: на инокультурные

анклавы или на ассимилированных инородцев. Социальный антисемитизм в Европе разгорелся как реакция на ликвидацию гетто (с начала XIX века) и последовавшую за этим ассимиляцию евреев, что поучительно.

Практика общежития во всех его модификациях, хотя и есть простое следствие бедности общества, тоже может быть рационализирована не только предложенным выше образом. Она содержательно включается в контекст использования городского пространства. Концентрация глобального населения будет продолжаться, и параллельно неизбежно будет сжиматься и становиться все дороже приватное пространство индивида в пределах города или его экономического ядра. Уже сейчас доступное жилье — одна из главных тем общественного разговора и проблем городского планирования. Ширится жилищная практика, более или менее близкая к общежитию: от малометражных квартир через совместную аренду типа советской коммуналки до дешевых отелей с помесячной оплатой комнат или японских капсул для ночевки[1].

Так или иначе, советская стратегия регулирования миграций и урбанизации лежит на магистральной траектории формирования организованной глобальной общности. Так же обстоит дело и со связанным с советским режимом проектом формирования «советской нации», или «общности нового типа» на жаргоне его кремлевских разработчиков. Вместо русификации народов СССР предполагалось привить индивиду двойную самоидентификацию. Во исполнение этого проекта Кремль даже культивировал национальное самосознание в республиках и других этнических очагах. Сейчас тем же самым занята Европа и даже весь мир, сильно пока отстающие в этом отношении от СССР. Возможно, из-за того что им приходится в отличие от Кремля не поощрять, а приглушать самосознание у старых агентов национального нарратива, что, вероятно, труднее сделать. Образ застоя тоже предстоит заново инструментализировать. Он был введен в оборот в политических целях, а именно для легитимизации перестройки[2], и быстро тривиализировался. К тому же этот образ в конце концов всем надоел, точно так же как в свое время ритуальное

1 Это может, впрочем, компенсироваться практикой второго жилища (second dwelling) типа хорошо известной в России «дачи». В СССР дача была одним из важнейших компонентов городского образа жизни как недвижимость в личной собственности с правом свободной покупки-продажи в противовес городскому жилому фонду. Русское слово «дача» не случайно вошло во все главные европейские языки наряду со словами «спутник», «самовар» и «ГУЛАГ».

2 Дж. Сахадео ссылается на Fainberg D., Kalinovsky A. (2016) Introduction: Stagnation and Its Discontents: The Creation of a Political and Historical

самохвальство КПСС. Отсюда ностальгически реактивная тенденция реабилитировать кремлевскую версию «развитого социализма» как динамичного общества, якобы несправедливо оклеветанного и напрасно ликвидированного «подрывным элементом»[1].

Но образ позднего СССР как динамичного, а не застойного общества, представляет собой не иную парадигму, а просто перемену оценочной этикетки внутри той же парадигмы. Чтобы ее оживить, нужно перевести образ застоя из статуса клише антисоветского нарратива и гипотезы, подлежащей подтверждению, в статус факта, подлежащего осмыслению. А затем поместить хронотоп «СССР» в более широкий контекст всемирной истории. Кремлевский марксизм уже проделал эту операцию в рамках исторического материализма с его представлением о прогрессе, т.е. восходящем движении человечества в сторону коммунизма через капитализм и социализм, добавив к этому представление о социализме как более динамичном порядке, чем капитализм.

Эта концепция со временем претерпела метаморфозу. К концу XX века капитализм оказался более динамичным и на этом основании сочтен более высокой ступенью на пути вперед и вверх, что стали называть не «прогрессом», как раньше, а «экономическим развитием». Десоциализация индустриального общества, происходящая с того момента, как будто подтверждает это представление. Но было бы неосторожно считать эту версию всемирной истории окончательной, и вот почему.

Даже если считать, что капитализм и социализм не идеальные типы и не свойства реальных практик сосуществования индивидов и их кластеров, а целостные организованные системы (формации), вопрос об их долгосрочной исторической длительности (в социогенезе, антропогенезе, если угодно) остается открытым просто потому, что эмпирия пока совершенно недостаточна для обобщений.

Но если предположить, что капитализм и социализм не более чем наборы практик, лучше или хуже совместимых в разных комбинациях, то образ застоя релевантен в контексте, где проблематизируются не социализм и капитализм, а рост общечеловеческого богатства (экономический рост): его содержание, пределы, скорость и ритм. И в этом контексте социалистические практики, тормозившие, как мы видели во второй половине XX века (не только в случае

Paradigm. *Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange*. Lanham, MD: Lexington Books: vii-xix.

1 Такого рода ревизионизм уже имел место. Давно появился тезис, что точно так же был якобы оклеветан царизм и русский капитализм, чье развитие было искусственно прервано злополучной революцией.

СССР), экономический рост и инновации, могут оказаться функциональными помимо прочего именно благодаря своей стабилизирующей роли. А поиски адекватных практик социализации окажутся важнейшей сферой инноваций.

Запад сейчас как будто обнаруживает способность к таким экспериментам, хотя пока не очень убедительно. К социалистическим экспериментам было способно и советское общество в 1920-е годы. Госплан со своими пятилетками с этим покончил, и такое впечатление, что навсегда. Буду рад, если более осведомленные наблюдатели покажут, что я ошибаюсь.

Библиография / References

Горлов В.Н. (2018) Московские лимитчики 1960–1980-х годов как особая категория жителей столицы. *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: История и политические науки, 1. (https://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/11826)

— Gorlov V.N. (2018) Moscow "limitchiks" as a Specific Category of of Metropolitan Population. *Papers of Moscow Region's State University*. Series: History and Political Science, 1 (https://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/11826). — in Russ.

Кустарев А. (2019) Бег на дальние дистанции с барьерами. *Неприкосновенный запас*, 1.

— Kustarev A. (2019). Migrations as Long-distance Hurdling. *Emergency reserve*, 1. — in Russ.

Рекомендация для цитирования:

Кустарев А. (2021) Хронотоп «СССР» в контексте социогенеза. Рецензия на книгу: Sahadeo J. (2019) Voices from the Soviet Edge. Southern Migrants in Leningrad and Moscow, Ithaca; London: Cornell University Press. *Социология власти*, 33 (2): 248-257.

For citations:

Kustarev A. (2021) The "USSR" Chronotope in the Context of Sociogenesis. Book Review: Sahadeo J. (2019) Voices from the Soviet Edge. Southern Migrants in Leningrad and Moscow, Ithaca; London: Cornell University Press. *Sociology of Power*, 33 (2): 248-257.

Поступила в редакцию: 16.03.2021; принята в печать: 28.05.2021

Received: 16.03.2021; Accepted for publication: 28.05.2021